

Т. В. Цивьян (Москва)

КАВАФИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ БАЛКАНСКОГО ТЕЗАУРУСА*

Идея *балканского тезауруса* (БТ) впервые возникла на Балканских чтениях 13, была продолжена на Балканских чтениях 14, но до сих пор пребывает *in statu nascendi*, поскольку очертания БТ остаются неопределенными. Наши тезисы на БЧ 14 «От балканского травелога к балканской лингвистике» (Цивьян 2017) содержали попытку представить концепт *движения* как основное ядро балканистических процессов. Там речь шла главным образом о путешествиях в пространстве, но в балканском контексте столь же важны путешествия во времени. *Движение* предполагает *коммуникацию* — не только между разными географическими пунктами, но и *коммуникацию* как общение людей. В этом случае во главу угла ставится язык и возникает тема контактов — столь важная в балканской картине мира.

Привязка Кавафиса, «александрийца, пишущего об Александрии», к теме БТ на первый взгляд может показаться натянутой. Но две основополагающие черты БТ, *движение* и *общение* (= *слово*), т.е. коммуникация в обоих значениях, просматриваются в его стихах и прозе более чем отчетливо. Кавафис помещает себя во время и пространство пестрого *греческого мира*, целостность которого поддерживается *греческим языком*, «живым организмом, находящимся в постоянном преобразовании» (как писал эллинист Н. М. Бахтин). Кавафис осознавал себя «звеном и наследником эллинской традиции; его поэзия развилась из размышлений надо всей греческой цивилизацией как целым, будь то сам архипелаг, Азия, Африка или Италия» (Ч. Милош). Показательна сигнатура афинянина у Кавафиса — *Человек* и *Слово* («Мое слово не пропадет»). В определенном смысле программным можно считать его

---

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

раннее стихотворение «Слово и молчание», призывающее к общению как таковому (настоячивое *λαλήσωμεν, λαλήσωμεν*). Примечательно, что поставленная в качестве эпиграфа поговорка «Слово серебро, молчание золото» дана по-арабски. Общение / взаимопонимание людей, *разных* — по признаку языка (утрата / сохранение родного языка, выбор языка общения), по происхождению, по религиозным, культурным традициям, указание на место (с подчеркиванием оппозиции *родина / чужбина*) и время (не только *здесь* и *теперь / там* и *тогда*, но и точная хронология), мотив путешествия (прежде всего по морю, см. хрестоматийную «Итаку», отмеченность метафоры *корабля* и т.д.)¹ — все это вполне вписывается в балканскую картину мира, и *александриец*, *alīas homo mediterraneus*, приобретает черты *homo balcanicus*.

Возникает вопрос, насколько правомерно (целесообразно) «втягивать» Кавафиса в балканистическую перспективу и соответственно в БТ? Что это может дать для исследования творчества Кавафиса и для балканистических штудий?

Иосиф Бродский в своем эссе «На стороне Кавафиса» писал: «Каждый поэт теряет в переводе, и Кавафис не исключение. Исключительно то, что он также и приобретает». Представляется, что это приложимо и к нашему случаю. С одной стороны, предлагаемый подход выглядит упрощением, если не натяжкой: поэтический мир Кавафиса никак не ориентирован на Балканы (биографически этот «египетский грек» в Греции лишь редкий гость): он рассматривает мир сквозь призму Александрии. С другой стороны, ограничивать Кавафиса Александрией невозможно². Его Александрия выступает как сигнатура объединенного «великим греческим языком» мира, который в своей раздробленности, «разности» сохраняет (заложенную изначально? приобретенную?) цель-

¹ Приведем для иллюстрации выборочный список названий. *Стихи*: «В Спарте», «Фермопиль», «В малоазийском деме», «В большой греческой колонии в 200 г. до н.э.», «В окрестностях Антиохии», «Мирис. Александрия 340 г.», «Перед Иерусалимом», «В царстве Осроене», «Юлиан в Никомидии», «Юлиан и антиохийцы», «Аполлоний Тианский на Родосе», «Пеласгийская картина», «Ионическое», «На италийском берегу», «В гавани», «На корабле», «Вторая Одиссея», «По пути из Греции», «На пути к Синопе», «Ночной путь Приама». *Проза*: метафорическая «Гора», «Конец истории Одиссея», «Ученые греки в римских домах», «Византийские поэты», «Отзыв о книге Политиса „Греки и Египет нового времени“», «Дневник первого путешествия Кавафиса в Грецию», «Корабли», «Ночь в Калиндери», «Кипрский вопрос»; см. особо пронизательный анализ самоназвания греков (эллыны / ромеи; Римская империя versus Греческая или Византийская).

² Ср. об Ахматовой: «*Ты поэт местного, царскосельского значения. Н.П.*».

ность и спаянность (в свое время это сочетание *одинакового* и *разного* было положено в основу балканской картины / модели мира). И в этом отношении Кавафис, как кажется, «приобретает» иной масштаб. В «Похвальном слове самому себе» он назван «поэтом сверхсовременным, поэтом будущих поколений», чья поэзия имеет «историческую, психологическую и философскую ценность» и принесет ему «первостепенное место в мире» — при условии, что мир «будет мыслить значительно больше». Хотелось бы надеяться, что предлагаемый здесь подход оправдан еще и потому, что, хотя бы отчасти, поддерживает эту уверенность великого поэта и — *pro domo nostra* — свидетельствует его вклад в *балканский тезаурус*.

ЛИТЕРАТУРА

- Цивьян 2017 — Цивьян Т. В. От балканского травелога к балканской лингвистике // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Макарец М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 245–248. (Балканские чтения. 14.)